

нет!» столь соответствуют «духу» создававшегося в эту пору «Бориса Годунова», в частности образу Варлаама, что могли бы стать своего рода эпиграфом ко всей трагедии. Именно это подымает второе «подражание» поэта шекспировскому Фальстафу на неизмеримо более высокий по сравнению с Фарлафом уровень. Снова идя по следам шекспировского гения, гений Пушкина художественно открывает совсем новый, в полном смысле этого слова, мир — наряду с образами Пимена, юродивого создаст поразительно полнокровный и необыкновенно колоритный характер, исполненный такой же отечественной «народности» (опять-таки в пушкинском понимании этого слова), как английской «народности» исполнен Фальстаф у Шекспира. Вспомним, что как раз так прочувствовал и развил характер Варлаама в своей одноименной опере Мусоргский.

При желании немало можно обнаружить в «Борисе Годунове» и реминисценций из Шекспира (кстати, в пушкинской трагедии наряду со многими другими имеются реминисценции и из «Марфы Посадницы» Карамзина и даже из «Димитрия Самозванца» Сумарокова). Но «шекспиризм» Пушкина неизмеримо глубже таких, в сущности внешних, следов увлеченного чтения поэтом его творений. Недаром Пушкин говорит в данном случае не просто о чтении, как говорил это в отношении Байрона, а об и з у ч е н и и им Шекспира. И это изучение, подобно всей интеллектуальной и творческой работе Пушкина, ведется на уровне просвещения века — внимательном и вдумчивом штудировании современных ему и наиболее значительных трудов о Шекспире и о драматическом искусстве вообще. Так, еще в Одессе Пушкин, по-видимому, познакомился с «последним словом» европейской шекспирологии — опубликованной в 1821 г. обширной биографической и литературно-критической статьей Гизо, предпосланной новому, исправленному им, изданию летурнеровских переводов Шекспира, по которому поэт его и читал. Однако, как и в отношении Байрона, Пушкин, видимо, тогда же держал в руках и подлинного Шекспира, поскольку из переводов Летурнера (сплошной прозой) он не мог усвоить того столь специфично-шекспировского чередования стихотворных и прозаических сцен, которое так мастерски проводится и в «Борисе»⁸. Есть основания думать, что тогда же познакомился поэт и с французским переводом получившего широкую европейскую известность трехтомного трактата теоретика немецкого романтизма, Августа Шлегеля «Чтения о драматургическом искусстве и литературе», которые снова просил выслать ему в Михайловское. Несомненно знакомы были Пушкину и высказывания о Шекспире де Сталь⁹.

Начатые еще до приступа к работе над «Борисом» изучения, как самого Шекспира, так и новейшей литературы о нем, усиленно продолжались — на все более расширявшейся и углублявшейся теоретической и историко-литературной основе — в процессе работы над ней. «Сочиняя ее, я стал размышлять над трагедией вообще, стараясь осознать природу этого, может быть, наименее понимаемого рода искусства» (XIII, 197, 541), пишет поэт во второй половине июля 1825 г. в уже цитированном письме к Раевскому, взволнованно делясь с ним некоторыми из этих размышлений. Мало того, уже после написания трагедии, Пушкин, обогащенный опытом своей работы над ней, снова и снова возвращается к этому предмету, развивая и дополняя высказанное Раевскому: набрасывает «Письмо к издате-

⁸ См. обстоятельнейший, перерастающий в своего рода монографию, комментарий к «Борису Годунову» Г. О. Винокура в кн. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, Л., изд. АН СССР, 1935, с. 489. Стоит попутно отметить, что этот шекспировский прием Пушкин тогда же смело переносит в лирику (выразительнейшая концовка «Разговора книгопродавца с поэтом», конец 1824 г.; в 1827 г. стихотворение «Череп»).

⁹ О значении для Пушкина этих штудий см. подробнее: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Изд. Л. «Наука», 1972, статья «Пушкин и Шекспир», с. 242—248. См. также статью Рейзова Б. Г. «Шекспир и эстетика французского романтизма», в которой дан подробный анализ статьи Гизо, в сб. Шекспир в мировой литературе. М. — Л., 1964.